

DOI: 10.15372/HSS20200215
УДК 94(571-17)"15/1917"

Е.В. КОМЛЕВА

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются социокультурные практики сибирского купечества в области освоения отдаленных и труднодоступных территорий Северной Азии. Купцы проявили себя и как первооткрыватели, и землепроходцы, и как активные участники хозяйственной колонизации новых районов, и как щедрые благотворители, при содействии и непосредственном участии которых происходило ментальное освоение региона – его включение в единое культурное и духовное пространство страны. В значительной степени именно за счет купеческих пожертвований развивалось народное образование, учреждались просветительные учреждения, проводились научные исследования, велось храмовое строительство. Большое значение имела деятельность купцов по поддержке миссионерской деятельности Русской православной церкви. Краткий обзор всей этой многосторонней активности купечества показывает, что ее можно рассматривать как комплексную систему действий по инкорпорации региона в Российскую империю.

Ключевые слова: Северная Азия, освоение региона, инкорпорация, сибирское купечество, социокультурные практики, просветительская и благотворительная деятельность.

E.V. KOMLEVA

THE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN ASIA AS A SPHERE OF REALIZATION OF SIBERIAN MERCHANTRY'S SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES

Institute of history SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article deals with the socio-cultural practices of Siberian merchants to develop remote and hard-to-reach territories of North Asia. Merchants proved themselves both as discoverers and explorers, active participants in the economic colonization of new areas, and generous benefactors, with the assistance and direct participation of which the region's mental development took place, i.e. its inclusion into the country's unified cultural and spiritual space. To a large extent, development of public education, establishment of educational institutions, scientific researches, and church construction were carried out thanks to merchant donations. The merchants' support of the Russian Orthodox Church's missionary activities was of great importance. The ethnic and religious composition of merchantry, upbringing of merchant youth, along with changes taking place over time in the cultural and educational level of the Siberian merchants influenced their socio-cultural practices. In particular, expanding intellectual horizons stimulated the activity of merchants in the field of public education, scientific research, accumulation and promotion of information about the region's nature and population. It is interesting, that since the late XVIII century merchants had highly valued their professional activities to develop the state, considered themselves useful members of society, whose efforts led to spreading civilization and progress. A brief overview of all multilateral activity of merchants shows that it should be considered as a complex system of actions to incorporate the region into the Russian Empire. Moreover, this result was achieved regardless of what goals were pursued by individual representatives of the merchant class and how consciously they sought to help the state in developing new, inaccessible and sparsely populated territories. Largely thanks to their efforts, these areas were secured as part of the state being included in its economy and entering a single Imperial mental space.

Key words: North Asia, region's development, incorporation, Siberian merchants, socio-cultural practices, educational and charitable activities.

Евгения Владиславовна Комлева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: feodal@history.nsc.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6975-3516>

Evgeniya V. Komleva – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Освоение Северной Азии, под которой в современной историографии понимается территория Сибири и Дальнего Востока России [1; 2], представляло собой сложный процесс, включавший открытие, научное изучение и хозяйственное использование новых земель [3, с. 3; 4, с. 30]. Можно говорить также о ментальном освоении – термин, который употребляют в своих работах Е.В. Головнева, М.А. Жигунова [5], Н.П. Матханова [6] и другие исследователи и под которым подразумевается деятельность по распространению неких единых базовых культурных и духовных ценностей, связанных с традициями, мировоззрением, общественно-политическими идеалами, художественными вкусами, хозяйственной практикой, образом жизни, сплачивающих население страны, лежащих в основе формирования нации. Во всем этом принимали участие представители самых разных категорий населения, но, пожалуй, одними из тех, чья деятельность отличалась наибольшей разносторонностью, охватывая и открытие, и изучение, и хозяйственную колонизацию, и ментальное освоение отдаленных и труднодоступных районов, были сибирские купцы. Их участие в освоении Северной Азии можно рассматривать как сферу реализации целого комплекса распространенных в купеческой среде социокультурных практик, трансформировавшихся с течением времени и приводивших к одной цели – включению региона в единое социально-экономическое и культурное пространство Российской империи.

ПОНЯТИЕ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ»

«Практико-ориентированные подходы к пониманию социальной жизни» [7, р. 4] были выдвинуты в работах французского социолога Пьера Бурдьё во второй половине XX в. [8]. Что касается современной отечественной историографии, то категория «социокультурная практика», как и тесно связанные с ней понятия «социокультурная деятельность», «социокультурное пространство», в последние годы активно используются преимущественно в культурологии и педагогике, реже – в исторических исследованиях. Последние два из этих терминов сводятся в большинстве случаев к области культуры (созданию, распространению и использованию культурных ценностей) [9], первый – «социокультурная практика» – трактуется гораздо шире. Несмотря на то, что четкого и общепринятого определения термина «социокультурная практика» до сих пор не выработано, обычно под этим понятием подразумевается любая созидательная деятельность человека, при которой изменяется и окружающая действительность, и сам человек. Вот одно из определений, которое можно встретить в современной научной литературе: социокультурные практики – это система «целенаправленных действий личности по освоению и воспроизводству культурозначимого культуросозидающего социального опыта» [10, с. 281].

Что касается применения этого термина к истории российского купечества, то автор работ о купцах Поволжья Е.А. Рядченко, ссылаясь на статью О.Н. Астафьевой [11], рассматривает социокультурные практики в рамках пяти направлений: поддержание здоровья, социальные отношения, социализация и образование, трудовая активность, отдых и развлечения [12, с. 668]. Таким образом, социокультурная практика / социокультурные практики – всеохватывающее и широкое понятие, включающее самые разные сферы жизни и деятельности людей; его использование позволяет рассматривать социокультурный облик и существенные характеристики купечества не просто как некую статичную данность, но и сделать акцент на происшедших с течением времени изменениях в мировоззрении, ценностных установках, образе жизни и поведении купцов. Это особенно важно, принимая во внимание ту быструю трансформацию сознания и социокультурных практик населения, которая произошла в России с конца XVIII до начала XX в. [13], т.е. в тот период, на который пришлось становление, функционирование, разложение и ликвидация института гильдейского купечества. Среди всего многообразия социокультурных практик, присущих такому важному и, бесспорно, обладавшему определенной спецификой региональному отряду российских предпринимателей, как сибирское купечество, на наш взгляд, были особенно важны именно те формы активности, в которых проявлялось участие его представителей в освоении Северной Азии: изучение новых территорий, их хозяйственная колонизация, развитие благотворительности, народного просвещения и миссионерства. Все это следует рассматривать не просто как отдельные направления деятельности, но и как комплексную систему действий, осознанно или неосознанно приводившую к одному результату – инкорпорации региона в Российскую империю, и отражающую ментальные установки и ценностные ориентиры, присущие купечеству как социальному слою.

Акцентирование внимания на взаимосвязи и взаимообусловленности деятельности человека и его мировосприятия, т.е. на том, что «социокультурная практика выражает специфику человеческого отношения [...] к миру и способов [...] бытия в мире» [14, с. 143], представляется правомерным при трактовке культуры как сложного, динамичного и многомерного процесса, в основе которого лежит то, как «люди осмысливают свое существование и свои действия» [7, р. 133]. Приведем удачное, на наш взгляд, высказывание Ф.С. Герасимова, который, рассуждая об эволюции рационализма, указывает на связь мировоззренческих представлений и образа мышления «с типами деятельности, с практиками, которые осуществляет человек и в которые он включен», поскольку «каждая сфера человеческой деятельности, каждая практика или совокупность практик формируют свои нормы и правила, свои критерии возможного, допустимого и недопустимого, образцы постановки и решения тех или иных задач...» [15, с. 24].

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ
НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ
СИБИРСКОГО КУПЧЕСТВА**

Учитывая вышесказанное, при рассмотрении социокультурных практик сибирского купчества важно иметь в виду его неоднородность по этническому и вероисповедальному составу. Как показывают фигурирующие в источниках и литературе данные, среди купцов встречались представители более двух десятков национальностей, исповадовавших разные религии. Конечно, большинство сибирских купцов были русскими православного вероисповедания, однако ситуация в разных районах Сибири в разные временные периоды могла быть не столь однозначной. Например, во второй половине XIX в. в Забайкалье большой удельный вес и ведущая экономическая роль принадлежали еврейскому купчеству [16]. И все же, несмотря на разницу в мировоззрении и нюансах поведения купцов разного этнического происхождения и конфессиональной принадлежности, конечные результаты их деятельности с точки зрения освоения новых территорий были во многом схожи. Для всех купцов было характерно стремление к обогащению, постановке своего дела на максимально практичные и выгодные рельсы, поиск новых рынков сбыта и источников сырья; все они занимались просветительской и благотворительной деятельностью, поддерживали как членов своих национальных и религиозных общин, так и других нуждающихся, откликались на призывы властных структур и участвовали в инициированных ими благотворительных акциях. Все это позволяет говорить о неких общих для всего сибирского купчества в целом подходах к тому, как входившие в его состав люди воспринимали свое значение для развития не только конкретного регионального сообщества, но и всего Российского государства.

Эти взгляды, как и распространённые в купеческой среде социокультурные практики, в значительной мере определялись культурно-образовательным уровнем купцов и традициями воспитания купеческой молодежи. Вспомним П. Бурдые, который указывал на существование неких приобретаемых в процессе воспитания человеком схем, определяющих впоследствии его восприятие и оценку реальности, а также предпринимаемые им действия [8].

В современном гуманитарном знании распространено представление о том, что «в социально-культурных практиках доминантами становятся воспитание человека, наполненного духовно-нравственными ценностями, преобразующего среду функционирования, осознающего культуротворческий характер активности, ориентированного на расширение знаний, вовлеченного в значимые для социума события» [10, с. 281]. Именно таких неравнодушных, стремящихся сделать что-нибудь полезное для «родного угла» [17, с. 67], патриотически настроенных и по-настоящему ярких личностей было немало среди сибирских купцов разной этнической принадлежности и вероисповедания.

Н.М. Чукмалдин, Нерпины, Сибиряковы, Баснины, Айтыкины, Поклевские-Козелл, Я.Д. Фризер и многие другие купцы заботились не только о собственном процветании, но и о нуждах своих сограждан. Недаром в купеческой среде уже на рубеже XVIII–XIX вв. сложилось устойчивое мнение о купцах как о полезных членах общества и восприятие коммерции как главной движущей силы развития цивилизации. Те же Баснины называли купцов «почетным сословием», добрыми и полезными гражданами¹.

С течением времени таких людей среди сибирских купцов становилось все больше. С одной стороны, их мировоззрение формировалось под воздействием домашнего воспитания и тех культурных и нравственных ценностей, которые стремились передать подрастающему поколению люди зрелого возраста. В распространенном в купеческом кругу Иркутска рукописном наставлении сыну, созданном в XVII в. неким устюжским купцом, содержалось одиннадцать правил, в которых говорилось «о необходимости непременно трудиться, читать божественное писание, стыдиться лгать и не быть жадным; искать всегда совета у “просвещенных науками, добрых, благомыслящих и достаточно разумных людей”»; не быть гордым, завистливым, пьяницей и пр.; избегать клеветников и помнить: “чужих пороков не обличай, и как вверенную тебе по должности тайну и своей собственной никому отнюдь не открывай”; “предпочитай справедливое ложному”, “возлагаемые на тебя от честных людей дела и должности всячески старайся исполнить с прилежным радением”; “берегись суеверия...”» [18, с. 31–32]. Эти отцовские наставления не были чем-то исключительным – они отражают настроения подавляющего большинства глав сибирских купеческих семейств дореформенного периода и подчеркивают, что в основе воспитания молодежи лежали ценности, характерные для традиционного общества: религиозное мировоззрение, почтение к старшим, трудолюбие.

Однако постепенно и в подходах к воспитанию детей, и в культурных ориентирах купчества происходили определенные трансформации. От элементарной грамотности и домашнего образования купцы переходят к систематическому приобретению знаний в казенных и частных учебных заведениях, к обучению в столичных и даже западноевропейских университетах. В значительной мере этот культурный сдвиг в купеческой среде был обусловлен быстрыми изменениями общественно-культурной жизни в стране, пик которых пришелся на середину XIX в. Но можно говорить и о таких вызвавших его причинах, как понимание купцами тех преимуществ, которые образование и эрудиция обеспечивали в предпринимательской деятельности, а также ориентация части богатого купчества на дворянскую культуру. Для Сибири вообще была характерна гораздо менее жесткая структура местного общества, активное

¹ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 5 об., 42 об.

общение представителей различных социальных слоев между собой, в том числе тесные контакты купцов с административными служащими.

Повышение культурно-образовательного уровня сибирских купцов нельзя оценивать однозначно. Во-первых, оно не охватило все слои купечества: по данным первой всеобщей переписи населения, даже в конце XIX в. многие купцы не владели грамотой, особенно женщины из купеческой среды [19, с. 39]. Кроме того, оно в какой-то мере способствовало размыванию купечества, когда получившие высшее образование молодые люди не желали продолжать предпринимательскую деятельность своих отцов, отдавая предпочтение ранее совсем не престижным в кругу коммерсантов занятиям: науке, медицине, народному просвещению и другим. Наконец, можно констатировать и то, что вместе с расширением кругозора купеческая молодежь впитывала идеи атеистического, либерального и даже революционного толка, отходя, таким образом, от заветов предков. Интересные наблюдения в подобном ключе высказаны в монографии В.М. Боковой [20, с. 252].

В то же время несомненно, что сибирское купечество, отдельные представители которого еще со второй половины XVIII в. пользовались значительным влиянием и авторитетом среди сограждан, в результате произошедших изменений в уровне образования и культурных ориентирах приобрело еще большее значение не только как наиболее состоятельная в финансовом отношении страта, но и неотъемлемая часть культурной элиты сибирского социума.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ СИБИРСКИХ КУПЦОВ ПО ОСВОЕНИЮ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Бесспорно также, что общее повышение культурно-образовательного уровня купцов и, как следствие, расширение круга их интересов привели и к активизации их социокультурных практик в области освоения отдаленных и труднодоступных территорий. Если во второй половине XVIII – начале XIX в. основные направления деятельности купечества по освоению Северной Азии заключались преимущественно в открытии новых земель и их хозяйственной колонизации, то постепенно на лидирующие позиции стали выдвигаться распространение знаний, образования, культуры, всестороннее исследование природы, быта и традиций аборигенного населения региона. Первоначальный основной мотив деятельности купцов, связанный с удовлетворением своих личных целей – погоней за пушниной, поиском дешевого сырья и новых рынков сбыта, все больше сменяется бескорыстным стремлением к просветительной и научной деятельности. Во второй половине XIX в. купцы проявили себя в разных областях науки (географии, геологии, биологии, истории, археологии, этнографии), в становлении музейной, библиотечной и театральной сетей региона, в организации образовательных учреждений. Конечно, полностью отрицать наличие корыстных побуждений

было бы совершенно неверно: именно они прежде всего лежали в основе деятельности купцов по исследованию водных и сухопутных путей сообщения в регионе. Ярким примером может служить открытие и освоение Северного морского пути. Коммерческие интересы толкали купцов и на установление контактов и развитие сотрудничества с другими странами. Очевидно и то, что благодаря щедрым пожертвованиям можно было завоевать благорасположение начальства и уважение сограждан. И все же, что бы ни двигало купцами, развитие благотворительной и просветительской деятельности, приобретшее в пореформенный период особенно широкий размах, можно считать важнейшей составляющей социокультурных практик купечества в сфере освоения Северной Азии.

Одно из основных направлений социокультурной активности сибирского купечества – поддержка Русской православной церкви и православного миссионерства. Несмотря на утвердившееся в XIX в. восприятие имперского пространства как многонационального и многоконфессионального, православие в России сохраняло статус государственной религии, и распространение православного вероучения играло очень важную роль в процессе инкорпорации осваиваемых территорий в империю. Характерно, что на этой ниве проявили себя не только купцы-приверженцы официальной Русской православной церкви, но и члены других этноконфессиональных групп, для которых, конечно, важно было поддерживать и своих единомыслителей – иначе было просто невозможно сохранить этническую и культурную идентичность.

Еще раз подчеркнем, что благотворительностью занимались все купцы, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Широкою известностью приобрели поляки Поклевские-Козелл [21, с. 176–198, 222–230], якут Н.О. Кривошапкин [22], немец Ф.А. Людорф [23, с. 116], евреи Фуксманы [24, с. 282–287], Я.Д. Фризер [25], купцы из «бухарцев» Айтыкины [26]. Нам не удалось обнаружить принципиальных отличий в характере просветительской и благотворительной деятельности купцов разной вероисповедальной принадлежности: все они выделяли средства для бедных и больных, поддерживали образовательные учреждения, помогали своим общинам, содержали культовые здания.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие современники весьма критически относились к купцам: это видно не только на примере обличительных фельетонов Н.М. Ядринцева [27], кстати, имевшего купеческие корни, но и при знакомстве с другими материалами, публиковавшимися в региональной периодике второй половины XIX в. Отмечая вклад отдельных купцов в освоение региона, корреспонденты, тем не менее, возлагали на купечество гораздо большие ожидания, формируя определенное общественное мнение и подталкивая представителей частного капитала к большей социальной ответственности и к большим материальным затратам на общественные нужды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сибирские купцы активно проявили себя в освоении Северной Азии: разнообразные в купеческой среде разнообразные социокультурные практики способствовали инкорпорации региона в Российскую империю. Социокультурные практики купцов, отражая ментальные установки купечества, формировались и осуществлялись под влиянием полученного купцами воспитания, образования, их культурных и духовных ориентиров. Как откликаясь на призывы властей, так и по своей собственной инициативе купцы щедро жертвовали на развитие здравоохранения, образования, благоустройство городов, поощряли сбор и пропаганду сведений о природе и жителях региона; активно поддерживали Русскую православную церковь и православное миссионерство. С течением времени все больший размах стали приобретать купеческая благотворительность в сфере народного просвещения и научных исследований. Все эти разнообразные социокультурные практики сибирского купечества в области освоения Северной Азии в совокупности можно рассматривать как комплексную систему действий, направленных на инкорпорацию региона в Российскую империю. Несмотря на присущее купцам чувство региональной идентичности и близость многих из них к областникам, большинство купцов осознавали себя гражданами империи и стремились распространять соответствующие взгляды и идеалы среди населения региона. Благодаря усилиям купцов новые, труднодоступные и малонаселенные территории закреплялись в составе государства, включались в его экономику, в единое имперское ментальное пространство. Среди местного населения распространялись и укоренялись базовые культурные ценности, транслировался социальный опыт, связанный с традициями и мировоззрением не только русского, но и других народов, что способствовало формированию полиэтнической и поликультурной общности империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из истории изучения и освоения Северной Азии: сб. ст. Томск, 2008. 139 с.
2. Дацышен В.Г., Зиновьев В.П., Лысенко Ю.А. и др. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск, 2019. 340 с.
3. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982. 288 с.
4. Галлямова Л.И. Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане // Россия и АТР. 2012. № 4 (78). С. 29–41.
5. Головинёва Е.В., Жижунова М.А. Сибирь и сибиряки: ментальное освоение края в XIX в. // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 303–310.
6. Матханова Н.П. Социокультурные процессы среди русского и аборигенного населения // Россия в Арктике: государственная практика и проблемы освоения. Новосибирск, 2017. С. 96–125.
7. Watkins M., Noble G. Cultural Practices and Learning: Diversity, discipline and dispositions in schooling. Sydney, 2008. 144 p.
8. Бурдые П. Практический смысл / перевод с фр. / ред. перевода и послесловие Н.А. Шматко. СПб.: Алетей; М.: Ин-т экспериментальной социологии, 2001. 562 с.

9. Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Российские предприниматели в социокультурном пространстве России в XIX – начале XX века // Труды Исторического факультета СПб ун-та. 2012. № 9. С. 14–22.

10. Каминская Н.Д., Эртман Е.В., Кавера В.А. Особенности социокультурных практик в условиях вуза // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2018. № 4. С. 279–288.

11. Астафьева О.Н. Человеческий потенциал и социокультурные практики // Философские проблемы биологии и медицины. М., 2008. Вып. 2: Междисциплинарные аспекты биомедицины. С. 38–41.

12. Рядченко Е.А. Социокультурные практики и культура повседневности купечества уездных городов Самарского Поволжья в конце XIX – начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. мат-лов Четвертой междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2018. С. 668–674.

13. Пархоменко Т.А. Исторический опыт социокультурных практик в царской и советской России. URL: Культурологический журнал. 2018/3(33). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/450.html&j_id=36 (дата обращения: 15.12.2019).

14. Николаина В.В., Фёфелова О.Е. Социокультурная практика в современном образовании. URL: Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=24915> (дата обращения: 15.12.2019).

15. Герасимов Ф.С. Рациональность и практики Нового времени // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 23–32.

16. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX в.: элита сословия // Сибирские исторические исследования. 2016. № 2. С. 21–40.

17. Адрианов А.В. Томская старина. Томск, 1912. 83 с.

18. Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. 204 с.

19. Скубневский В.А. Грамотность городского населения Сибири (к истории вопроса) // Скубневский В.А. Урбанизационные процессы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: избр. ст. Барнаул, 2010. С. 36–44.

20. Бокова В.М. Честное слово дороже денег. Как воспитывались купеческие дети. М., 2013. 274, [3] с.

21. Микитюк В.П., Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г. Род Поклевских-Козелл. Екатеринбург, 2013. 368 с.

22. Петров П.П. Кривошапкин Николай Осипович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 374.

23. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.): в 2 т. / отв. ред. А. В. Телюк. Благовещенск-на-Амуре, 2013. Т. 2. 314 с.

24. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.). Томск, 2014. 336 с.

25. Гаврилова Н.И., Скубневский В.А. Фризер Яков Давидович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 363–364.

26. Валеев Ф.Т. Тарские предприниматели Айтыкины // Таре – 400. Проблемы социально-экономического освоения Сибири. Омск, 1994. Ч. I. С. 144–147.

27. Ядринцев Н.М. Кондрат благодетельствующий и Кондрат утопающий: (фельетон) // Ядринцев Н.М. «Я сын девственной и могучей страны...»: сб. статей, очерков, фельетонов Н.М. Ядринцева. Омск, 2004. С. 48–51.

REFERENCES

1. Chernyak E.I. (ed.) From the history of the study and development of North Asia: pap. collection. Tomsk, 2008, 139 p. (In Russ.)
2. Datsyshen V.G., Zinoviev V.P., Lysenko Yu.A. et al. Essays on the history of development and study of North Asia. Tomsk, 2019, 340 p. (In Russ.)
3. Alekseev A.I. Development of the Far East and Russian America by Russians (until the late XIX century). Moscow, 1982, 288 p. (In Russ.)

4. Gallyamova L.I. The Far East in the context of Russia's state policy in the Pacific. *Rossiya i ATR*, 2012, no. 4, pp. 29–41. (In Russ.)
5. Golovneva E.V., Zhigunova M.A. Siberia and Siberians: mental development of the region in the XIX century. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2016, pp. 303–310. (In Russ.)
6. Matkhanova N.P. Socio-cultural processes among the Russian and native population. *Rossia v Arktike: gosudarstvennaya praktika i problemy osvoeniya*. Novosibirsk, 2017, pp. 96–125. (In Russ.)
7. Watkins M., Noble G. Cultural practices and learning: diversity, discipline and dispositions in schooling. Sydney, 2008, 144 p.
8. Bourdieu P. Practical meaning. Saint Petersburg, Moscow, Aleteiya, 2001, 562 p. (In Russ.)
9. Velikhovskiy L.N., Kandaurova T.N. Russian entrepreneurs in the socio-cultural space of Russia in the XIX – early XX centuries. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, no. 9, pp. 14–22. (In Russ.)
10. Kaminskaya N.D., Ertman E.V., Kavera V.A. Features of socio-cultural practices under the conditions of higher education. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2018, no. 4, pp. 279–288. (In Russ.)
11. Astafieva O.N. Human potential and socio-cultural practices. *Filosofskie problemy biologii i meditsiny*. Moscow, 2008, iss. 2, pp. 38–41. (In Russ.)
12. Ryadchenko E.A. Socio-cultural practices and culture of everyday life of merchants of the Samara Volga Region in the late XIX – early XX centuries. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sb. materialov IV mezhdunar. nauch. konf.* Nizhniy Novgorod, 2018, pp. 668–674. (In Russ.)
13. Parkhomenko T.A. Historical experience of socio-cultural practices in tsarist and Soviet Russia. *Kul'turologicheskiy zhurnal*, 2018, no. 3. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/450.html&j_id=36 (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
14. Nikolina V.V., Fefelova O.E. Socio-cultural practice in modern education. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 4. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=24915> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
15. Gerasimov F.S. Rationality and practices of the New time. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 2009, no. 2, pp. 23–32. (In Russ.)
16. Kal'mina L.V. Jewish merchants of Transbaikalia Region in the late XIX – early XX centuries: the elite of the estate. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 21–40. (In Russ.)
17. Adrianov A.V. Tomsk antiquity. Tomsk, 1912, 83 p. (In Russ.)
18. Kungurov G.F. Siberia and literature. Irkutsk, 1965, 204 p. (In Russ.)
19. Skubnevskiy V.A. Literacy of the urban population of Siberia (to the history of the issue). *Skubnevskiy V.A. Urbanizatsionnye processy v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: izbrannye stat'i*. Barnaul, 2010, pp. C. 36–44. (In Russ.)
20. Bokova V.M. An honest word is more expensive than money. How merchant children were brought up. Moscow, 2013, 274, [3] p. (In Russ.)
21. Mikityuk V.P., Mosunova T.P., Neklyudov E.G. Poklevskys-Kozells' family. Ekaterinburg, 2013, 368 p. (In Russ.)
22. Petrov P.P. Krivoshapkin Nikolay Osipovich. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri*. Novosibirsk, 2012, vol. 1, p. 374. (In Russ.)
23. Telyuk A.V. (ed.) Business world of the Amur region (mid-XIX – early XX centuries). *Blagoveshchensk-na-Amure*, 2013, vol. 2, 314 p. (In Russ.)
24. Dmitrienko N.M. Tomsk merchants: biographical dictionary (the second half of the XVIII –early XX centuries). Tomsk, 2014, 336 p. (In Russ.)
25. Gavrilova N.I., Skubnevskiy V.A. Frizer Yakov Davidovich. *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri*. Novosibirsk, 2013, vol. 2, pp. 363–364. (In Russ.)
26. Valeev F.T. Tara entrepreneurs Aitykins. *Tare – 400. Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo osvoeniya Sibiri*. Omsk, 1994, pt. 1, pp. 144–147. (In Russ.)
27. Yadrintsev N.M. Kondrat the complacent and Kondrat the drowning: (feuilleton). “Ya syn devstvennoy i moguhey strany...”: sb. statey, ocherkov, fel'etonov N. M. Yadrintseva. Omsk, 2004, pp. 48–51. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

Дата рецензирования 03.03.2020

Статья принята к публикации 13.04.2020